

А. Гуйтер

Там, где
танцевали
мертвецы...

16+

Александр Эдуардович Гуйтер

Там, где танцевали мертвецы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67505108

SelfPub; 2022

Аннотация

Можно ли заставить мертвецов танцевать? Можно. Доктор Картифарнакис знает, как это сделать. Но зачем заставлять их танцевать? Этого не знает даже Мия-Су...

Короткая история из жизни маленького городка, расположенного на самой границе Пепельных земель.

Александр Гуйтер

Там, где танцевали мертвецы

Даже через сто лет старики и старухи, из тех, кто ещё окончательно не выжил из ума и не отправился в Долину забвения, будут вспоминать выступления танцующих мертвецов, которые каждую осень устраивал доктор Картифарнакис.

Тут надо сказать несколько слов о самом докторе Картифарнакисе: никто, даже самые древние жители деревни, которые и в Долину забвения не отправлялись только потому, что каждый год ждали выступления танцующих мертвецов, не помнил доктора иначе, как старика с торчащими в разные стороны белыми волосами. Лицо доктора Картифарнакиса покрывали столь глубокие морщины, что оно больше напоминало сушёный гриб, и его даже можно было принять за маску, если бы не глаза: фиолетовый правый и жёлтый левый, они горели каким-то внутренним светом. Правда, если левый глаз сиял теплом и жизнью, правый излучал холод и смерть.

Когда доктора спрашивали, почему его глаза такие разные, он неизменно посмеивался урчащим смехом, внимательно смотрел на того, кто задал вопрос и отвечал:

– А как бы иначе я устраивал свои представления?

И тот, кто спрашивал, хлопал себя рукой, лапой или какой другой конечностью по лбу: действительно, как он об этом сам не догадался! В глазах доктора Картифарнакиса наверняка скрыта великая сила, благодаря которой он и может устраивать то, что устраивает.

Ходили слухи, что давным-давно, когда в Обители пусты ещё жили монахи, доктор Картифарнакис был учеником одного из них. Учитель, чьего имени никто не знал, изобрёл способ сохранять мёртвые тела, заполняя все сосуды волшебным раствором, приготовляемым из тёмной воды, пепла, собственной крови и ещё чего-то, но он так и не смог заставить мертвецов двигаться.

Совсем как живые, они долгие годы лежали на одном месте, покрываясь пылью и зарастая чёрной плесенью, но не могли пошевелить даже пальцем и лишь грустно смотрели в серое небо.

Когда монахи узнали, какие опыты проводят Учитель и доктор Картифарнакис, то обвинили их в ереси, побили палками и выгнали из Обители. Учитель не стал ругаться, спорить, доказывать что-то и требовать справедливого суда – перед тем, как уйти, он просто вылил в колодец своего зелья и все монахи на следующий день превратились в живых истуканов.

Говорят, что они так и сидят, покрытые пылью и паутиной, и грустно глядят перед собой, не в силах что-либо изме-

нить. Никто, конечно, этого не проверял – Обитель пустоты всегда была запретным местом для всех, никто там не живёт, но ведь слухи на пустом месте не рождаются. Можно было, конечно, спросить самого доктора Картифарнакиса, но на это за всё время так никто и не решился.

Куда потом делся Учитель, было неизвестно, но все знающие сходились в одном: это произошло вскоре после того, как доктор Картифарнакис изобрёл способ заставить мертвецов двигаться. Высказывались, правда, предположения, что Учитель мог просто-напросто устать и уйти в Долину забвения или что он не стерпел того, что доктор Картифарнакис додумался до того, до чего он сам не смог или что они поссорились, но это даже слухами назвать было нельзя.

Повар из таверны, толстый Жижка, так вообще один раз договорился до того, что это Учитель изобрёл способ оживать мертвецов, а доктор Картифарнакис, узнав тайну, избавился от наставника. Жижку тогда подняли на смех всей таверной, а потом на всякий случай крепко поколотили, чтобы такие дурные мысли больше не приходили ему в голову. Он потом две недели отлёживался, охал, но зато после о докторе Картифарнакис говорил всегда с уважением.

Неизвестно, знал ли об этом случае сам доктор, но, заходя в таверну, он всегда осведомлялся о здоровье повара и, получив ответ, что всё замечательно, довольно хмыкал, усаживался за дальний столик и принимался за дымящуюся полёбку, а две кошкодевочки в одинаковых, похожих на чере-

па масках, ждали его у входа.

Кроме этих масок, на них не было ничего, в отличие от самого доктора Картифарнакиса, одетого в неизменный чёрный сюртук, красную рубашку, лиловые штаны и бежевые ботфорты.

Поев, доктор Картифарнатикс кланялся повару и уходил, сопровождаемый завистливыми взглядами посетителей таверны, которые бы с удовольствием обменяли своих опостылевших подруг на одну из кошкодевочек, пускай даже на один вечерок. Просить об этом их самих было опасно: все видели, как в один из приездов доктора эти грациозные создания порвали на части какого-то странника, осмелившегося к ним подойти и заговорить.

Что он им тогда сказал, никто не слышал, но кишки его долетели даже до таверны, а доктор Картифарнакис, выглянув из повозки и увидев, что произошло, спустился и погладил кошкодевочек по головам, от чего те заурчали от удовольствия.

Парень тот был не из местных, поэтому его смерть никого не расстроила, а некоторых даже позабавила, но кошкодевочек с тех пор побаивались и старались обходить стороной, а мысль о том, что как было бы хорошо провести с ними время, стала для мужского населения деревни чем-то вроде детской мечты.

Дети, они такие: часто мечтают о чём-то абсурдном, недостижимом, далёком, несбыточном, но таком прекрасном.

Кошкодевочки, по всей видимости, догадывались о том, какие чувства и желания вызывают их прекрасные тела и лукаво поглядывали на мужчин из-под своих черепообразных масок, а иногда, словно желая поддразнить и распалить ещё больше, гладили себя по маленьким грудям и так мило хихикали, что по загравкам мужчин бежали мурашки.

Никто не знал, в каких отношениях кошкодевочки состоят с доктором Картифарнакисом, почему всё время молчат и носят маски. Они были чем-то вроде запретного плода, о котором не известно ровным счётом ничего, но который по какой-то необъяснимой причине нельзя трогать. Нет, то, что трогать их, и даже разговаривать, было опасно, все прекрасно понимали, но вот почему, не знал никто.

Такое случается сплошь и рядом: то нельзя, это нельзя, а вот почему нельзя, никто толком объяснить не может или, что более вероятно, не хочет. Быть может, все эти необъяснимые и непонятные запреты лишь чья-то злая прихоть, каприз какого-нибудь всемогущего существа, втайне потешающегося над мелкими созданиями, вынужденными соблюдать установленные им запреты, в которых нет никакого смысла.

Доктор Картифарнакис, хоть и внушал почти суеверное уважение и почитание, всемогущим существом явно не был, но выяснять у него, почему с его спутницами нельзя даже поговорить, никому и в голову не приходило – все прекрасно помнили, как быстро и весело кошкодевочки могут разрывать на части живую плоть голыми лапами. Чёрт, да они

тогда даже ни одного коготочка не сломали!

Повозка доктора Картифарнакиса была похожа на длинный дом на колёсах: окна, дверь, крыльцо, ступеньки, труба на крыше, из которой валил белый дым. Она ехала сама по себе, да ещё и тянула за собой на цепях вторую, больше напоминавшую сарай без окон, где, в ожидании, лежали мертвецы, оживляемые на время представления.

В этот раз, однако, представления не получилось, да и самого доктора Картифарнакиса больше в деревне никто не видел.

А начиналось всё, как и всегда: все жители деревни, даже хромая тётка Бормотуха с целым выводком своих щенят и старый Чмырь, в одной глазнице которого жил говорящий слизень, расселись вокруг большого помоста, сложенного из аккуратно подогнанных друг к другу костей, набрали жареных червей и приготовились наслаждаться зрелищем.

Из центра помоста взметнулся столб сизого дыма, окутал всех присутствующих, а когда он развеялся, деревенские увидели доктора Картифарнакиса собственной персоной, окружённого двенадцатью мертвецами обоих полов. Не шевелясь, они стояли, повернувшись равнодушно-отрешёнными лицами к зрителям, и грустно смотрели на них пустыми глазами.

Доктор Картифарнакис вытащил из внутреннего кармана сюртука маленькую чёрную коробочку, достал из неё тонкую серебряную иглу и начал колоть ей спины и шеи мертвецов,

от чего те вздрагивали и начинали медленно раскачиваться на тонких ногах с длинными серыми ногтями. Они раскачивались всё быстрее и быстрее, неловко цеплялись друг за друга иссохшими руками, шевелили синими губами и лишь их глаза оставались неподвижными и полными грусти.

Из проколов, оставленных иглой доктора, текла мутная жидкость, а мертвецы, всё больше и больше возбуждаясь, схватили друг друга за плечи и принялись лихо отплясывать, выбрасывая перед собой ноги и качая головами в разные стороны. Доктор Картифарнакис взмахнул рукой, и из повозки загремела музыка. Дудки, барабаны, скрипки, орган, гитара, фортепиано ревели и громыхали, сливаясь в невероятную какофонию звуков, в которой не было ни малейшего намёка на гармонию, но которая так подходила для того, что происходило.

Зрелище было настолько завораживающим, что зрители перестали жевать и, затаив дыхание, смотрели на безмолвных танцоров, от которых летели мелкие брызги и ошмётки бледной кожи. Щенки тётки Бормотухи подползли поближе к помосту и, раскрыв красные пасти с мелкими клыками, ловили эти кусочки плоти и глотали, не разжёвывая, а говорящий слизень высунулся из глазницы Чмыря почти полностью и извивался в такт какофонической музыке.

Совсем скоро должен был наступить кульминационный момент, когда тела мертвецов, не выдержав изнуряющей и ускоряющейся пляски, начинали разваливаться на куски, ко-

которые ещё некоторое время шевелились у ног доктора Картифарнакиса, после чего их, за исключением голов, разбирали на сувениры, но музыка, взвизгнув и возвысившись до ультразвука, резко оборвалась. Танцующие мертвецы остановились, наклонив вперёд головы и опустив руки.

Толпа издала гул разочарования, а доктор Картифарнакис, не поняв, что произошло, принялся колоть спины мертвецов иглой.

– Да что с вами такое, бестолочи? – приговаривал он, погружая острое серебро в податливую плоть. – Пляшите, говорю вам, пляшите!

Мертвецы не реагировали, раны на их спинах сочились целыми потоками мутной жидкости, а доктор, неистовствуя, продолжал с остервенением тыкать их иглой. Никто никогда ещё не видел его в таком состоянии: сморщенное лицо перекосило гримасой гнева, губы дрожали, словно высохшие листья на ветру, а глаза сверкали.

Кошкодевочки, переглянувшись, подошли к помосту, явно желая хоть чем-то помочь, но доктор Картифарнакис рывкнул что-то нечленораздельное и они отошли обратно к повозке.

Деревенские жители, на чьей памяти не случилось подобных казусов, громко обсуждали происходящее.

– Да это что-то непонятное! – пробормотал повар Жижка, заталкивая в пасть целую пригоршню жареных червей.

– А может, они сломались? – предположил говорящий

слизень из глазницы Чмыря.

Хозяин погладил глаза-рожки слизня, которые тут же втянулись в тело, и с нежностью прошептал:

– Глупенький, они не могут сломаться.

– Они же и так мёртвые, – добавила тётка Бормотуха, занятая ловлей свих щенков, которых она хватала за хвосты и, не обращая внимания на визги и укусы, запихивала в огромную корзину, висевшую за спиной.

Толстая лохматая паучиха, закутанная в собственную паутину, имени которой никто не знал, прошипела что-то на своём непонятном языке и занялась любимым делом, выставив вверх бородавчатый зад и сматывая извлекаемую паутину в клубок. Она снимала чердак в таверне и расплачивалась тканями собственного производства, каждую неделю отлучаясь на охоту, с которой возвращалась с несколькими жертвами, замотанными в толстые коконы. Она развешивала их под потолком и медленно выпивала, не убивая сразу. Трактирщик Сизый, единственный из всех, кто понимал паучиху, говорил, что та питается исключительно свежей кровью и никогда не ест тухлятину, а если кто из её трофеев умирал прежде, чем его выпивали досуха, то его просто выбрасывали на помойку.

Чумичка и Егоза, два весёлых братца, как-то раз шлялись по помойке (а бесцельное шатание было их основным занятием) и вскрыли один из коконов. То, что братья увидели внутри, настолько их развеселило, что они даже принесли

находку в деревню, чтобы на неё могли поглядеть все.

Деревенские с любопытством разглядывали труп, глаза которого были словно всосаны внутрь, а кожа натянута так, что рот кривился в оскале-улыбке, качали головами и, посмеиваясь, тыкали труп палками. Трактирщик, увидев это дело, вышел и приказал отнести весёлую находку обратно на помойку, а то паучиха может рассердиться.

– А почему она рассердится? – спросил рыжеволосый Чумичка.

– Это её добыча, а вы с ней играетесь, – ответил Сизый.

– Так ведь она её выкинула, – начал было спорить большеухий Егоза.

– Она всё равно считает это своей собственностью, – не терпящим возражений тоном сказал трактирщик. – Если бы она, как и её родственники, жила в собственной пещере, она бы никогда ничего из пойманной добычи не выкинула. Эти коконы висели бы под потолком до скончания времён.

– А когда будет это скончание времён? – спросил Чумичка.

– Когда надо, тогда и будет, – ответил Сизый и, бросив на братьев грозный взгляд, пошёл в трактир, а те, вздохнув и поплевав на лапы, отнесли кокон с телом обратно на помойку, даже не подозревая, что всё это время паучиха наблюдала за ними через маленькое окошко на чердаке.

Доктор Картифарнакис тем временем, поняв, что иглой привести мертвецов в чувство не получится, поднял вверх

руки и прокричал:

– Уа-ку-ра-ма-ма-на-ка-йих!

Между пальцев доктора заискрились красные молнии.

– Уа-ку-ра-ма-ма-на-ка-йих!

Молнии стали больше, соединились в одну, и над головой доктора Картифарнакиса вспыхнула искрящаяся дуга. Раскрыв глаза, все собравшиеся с удивлением смотрели на новое чудо, а паучиха даже перестала ткать.

– Йи-йи-ха! – вскрикнул доктор Картифарнакис и положил руки на плечи одного из мертвецов.

По мёртвому телу пробежали искры, мертвец задёргался, затрясся и, выгнув спину, распался на части. Голову откинуло в сторону, где её сразу же схватил один из щенков тётки Бормотухи и, заурчав, принялся облизывать грустные глаза, за что тут же был награждён увесистой оплеухой.

– Отдай её доктору! – сказала тётка заплакавшему от незаслуженного наказания щенку.

Поскуливая, щенок подошёл к помосту и протянул голову доктору Картифарнакису, но тот даже не обратил на это внимания и продолжил попытки оживить мертвецов при помощи молний, от чего те рассыпались на части.

Щенок положил голову на помост и вернулся к тётке Бормотухе, которая тут же сунула его в корзину, а доктор Картифарнакис, осознав всю тщетность своих попыток, опустил на колени и вздохнул.

– Что, не получается? – раздался высокий, насмешливый

голос, идущий со всех сторон одновременно.

Доктор Картифарнакис встал и принялся озираться по сторонам, кошкодевочки прижались друг к другу, а голос, певучий, завораживающий и пугающий, продолжил:

– У, я вижу, ты узнал меня! Надеюсь, что тебе так же приятна наша встреча, как и мне!

Деревенские стали озираться по сторонам, щенки в корзине жалобно заскулили, а слизень Чмыря спрятался в глазницу.

– Тебе что, стра-а-а-шно? – растягивая слова, спросил голос. – Не бойся – я всего лишь заберу то, что принадлежит мне.

– Тебе ничего не принадлежит! – хрипло крикнул доктор Картифарнакис. – Уходи!

Земля перед помостом задрожала и стала подниматься, образуя небольшой холмик, из которого медленно вырастала фигура в чёрном балахоне с капюшоном. При её виде доктор Картифарнакис отступил на два шага назад, споткнулся о голову мертвеца и упал на спину.

– Неужели ты меня боишься? – спросила фигура. – Я что, такой страшный?

Доктор Картифарнакис отполз к кошкодевочкам, чтобы они его защитили, но те лишь сильнее прижались друг к другу.

– Она тебе не поможет, – усмехнулась фигура, – ты слишком долго держал её разум в плену. Мия-Су, иди ко мне!

Кошкодевочки переступили через доктора Картифарнакиса, подошли к фигуре и встали перед ней, склонив головы.

– Милая моя, – прозвучал грустный нежный шёпот, который, однако, был хорошо слышен всем присутствующим, – принцесса Жизни и Света! Как я тосковал по тебе!

Он протянул руки и сорвал с лиц кошкодевочек маски. Черепа тут же рассыпались в прах, а кошкодевочки шумно вдохнули, вздрогнули всем телом и подняли головы. Они оказались полными копиями друг друга: одинаковые зелёные глаза, одинаковые чёрные носики, одинаковые губы, одинаковые клыки, даже красные полосы на лбу и щеках были одинаковыми.

– Я тоже тосковала по тебе, Учитель, – одновременно сказали кошкодевочки одинаковыми голосами.

Доктор Картифарнатикс вскочил на ноги и крикнул:

– Ты не отнимешь её у меня!

Кошкодевочки повернулись к нему и зашипели, их шерсть вздыбилась, а Учитель, положив руки им на плечи, сказал нараспев:

– Я уже это сделал. А теперь, мой ученик, верни мне мои глаза!

Он скинул капюшон, и все увидели бледное лицо с пустыми глазницами. На лбу Учителя живым огнём пылал красный камень, в центре которого двигался чёрный зрачок.

– Верни мне мои глаза! – раздался громopodobный рёв, от которого присутствующие попадали наземь, щенки завыли,

а слизень забрался так глубоко, что наверняка добрался до мозга Чмыря.

– Нет! – крикнул доктор Картифарнакис и отступил к своей повозке.

Учитель поднял руки вверх, но доктор, выхватив из рукава какой-то странный длинный предмет, взмахнул им перед собой и растворился в зелёном дыму.

– Успел, – с лёгкой ноткой разочарования сказал Учитель, – значит, я хорошо его учил.

Он подошёл к тому месту, где ещё клубился дымок, вдохнул его и прошептал:

– Чудный мальчик, чудный. Меня всегда впечатляли его способности.

– Ты хочешь его поймать? – спросили кошкодевочки.

– Нет, – ответил Учитель, – пока нет.

Сизый, который был в деревне не только трактирщиком, но и кем-то вроде старосты, набрался смелости и спросил:

– А вы кто?

Учитель обернулся и улыбнулся. Стало немного светлее, щенки тётки Бормотухи перестали скулить, а слизень высунился наружу, от чего у Чмыря засвербило в глазнице и он громко чихнул, обрызгав соплями свою соседку, тощую Грызунью с огромным круглым ртом, украшенным несколькими рядами игольчатых зубов.

– Я простой Учитель. Это моё имя и это моя сущность.

– А кто это? – спросил Сивый, кивнув на кошкодевочек,

которые снова прижались друг к другу, словно боялись, что их разлучат.

Учитель погладил кошкодевочек и ласково ответил:

– Это Мия-Су.

– Но ты назвал лишь одну, – немного смелее сказал Сивый, поняв, что Учитель не собирается причинять никому вреда, – а как зовут вторую?

– Нет никакой второй, – покачав головой, ответил Учитель. – Мия-Су одна.

– Как это?

– А вот так. Одно имя, одна личность, одна Мия-Су.

Кошкодевочки посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись, а Сивый, который не мог понять того, что сейчас сказал Учитель, воскликнул:

– Но ведь их двое!

– Она одна.

– Я не понимаю!

– От тебя этого и не требуется, – усмехнулся Учитель. – Пошли, Мия-Су.

Кошкодевочки поднялись по ступенькам и вошли в повозку. Учитель последовал за ними.

– А что будет дальше? – спросил Сивый.

– Это вам самим решать, – обернувшись, ответил Учитель, – а представлений, я думаю, больше не будет.

Он вошёл внутрь, повозка, задрожав, тронулась и вскоре скрылась из вида, а жители деревни, разобрав части мертве-

цов на сувениры, разошлись по домам. Головы не тронул никто – вдруг доктор Картифарнакис ещё посетит их деревню?

Вернувшись в трактир, Сизый отпустил Жижку, заперся на засов, достал из тайника в стене толстую книгу в переплёте из кожи и, налив в кружку кактусового пива, сел за стол. Прихлёбывая пиво, он листал пожелтевшие страницы, пытаясь найти хоть какое-то упоминание о существе, личность которого находилась в двух телах одновременно.

Он прочёл о жителях Пустыни отчаяния, Города зиккуратов, Бесконечного моря, Пустоши холода, Бездонной пропасти, Великой Пепельной равнины, но ни в одном из этих мест не жил никто, похожий на Мия-Су.

Закончив бесплодные попытки, Сивый допил пиво, закрыл книгу и, глядя перед собой, прошептал:

– Богиня.

Это всё объясняло: природа богов, в которых худо-бедно верили все, была непостижима и необъяснима и то, что одна из них обитала одновременно в двух телах, представлялось абсолютно нормальным. Впрочем, это была всего лишь догадка, которой трактирщик так ни с кем и не поделился.

Через две недели, когда фиолетовое солнце снова стало красным, Чумичка и Егоза, отправившись на ловлю светлячков, забрели на край Пустыни отчаяния. Осторожно ступая меж покрытых ядовитыми колючками кустарников, они выбирали место для ночной лёжки, чтобы, когда светлячки вы-

лезут из своих нор, тут же их схватить и спрятать в мешок. Трактирщик Сизый добавлял сок светлячков в пиво, от чего оно приобретало бордовый цвет, дополнительную крепость и сногшибательный вкус.

– А что это? – спросил Чумичка, заметив на одном из кустов какую-то тряпку.

– Не знаю.

Братья подошли поближе, Егоза снял тряпку с колючек, развернул и ахнул: это было лицо доктора Картифарнакиса.

– Он умеет менять лица, – догадался Чумичка.

– Ага.

Наловив целый мешок светлячков, братья вернулись в деревню, продали насекомых трактирщику и рассказали про находку. Сизый попросил показать лицо доктора Картифарнакиса, долго его рассматривал, а потом попросил продать. Чумичка и Егоза поначалу не соглашались, но, когда трактирщик предложил им за старое поношенное лицо целый год бесплатной выпивки, они, не сговариваясь, дружно кивнули лохматыми головами.

С тех пор лицо доктора Картифарнакиса висело на стене трактира, а Сизый внимательно вглядывался в глаза всех незнакомцев, заглянувших в его трактир, ведь, если доктор умел менять лица, то узнать его можно было только по глазам.

Правый – фиолетовый, левый – жёлтый...